Л. П. МИХАЙЛОВА

СВОЕОБРАЗИЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ (ЯРЛ-ЯРЛУК)

Для художественно-изобразительной системы устного народно-поэтического творчества характерно использование целой серии наименований птиц, символизирующих образы героев. Л. А. Астафьева-Скалбергс, рассматривающая роль символики в некоторых песенных жанрах, выделяет такие типичные для любовных песен образы-символы, как сокол, голубь, селезень, утушка, лебедушка, куна, пава[1]. Под символом понимают «устойчивое, строго дифференцированное по содержанию представление, вызывающее постоянный круг ассоциаций в определенной поэтической системе»[2]. Являясь средством типизации в народной лирике, символика, иносказательность позволяет создать не только художественные картины высокой степени обобщения, но и вызвать конкретные представления (от типизированной вещи — к символу как обобщению, и от него — к конкретизации символа в обстановке определенной жизненной ситуации)[3]. Многие исследователи поэтического строя русских песен пишут о закрепленности определенных наименований птиц в качестве символов за некоторыми конкретными субъектами (невеста — лебедушка, любящая девушка — голубка, щеголиха — пава, братья — гордые соколы или сизые голуби и т. п.)[4].

В северной свадебной песне, наряду с традиционными, широко распространенными образами-символами, встречаются и своеобразные, территориально ограниченные. Так, в песне села Колежмы Беломорского района Карельской АССР «удалой доброй молодец» направляет свою каленую стрелу в черна ворона, серу утицу, белу лебедь, а также «сизой ярлух». Именно

---

[1] Астафьева-Скалбергс Л. А. Символика в русской народной лирической любовной песне: АКД.— М., 1971, с. 6.

[2] Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики.— Л., 1978, с. 110. См. также: Еремина В. И. Специфика художественного образа в песнях земледельческого календаря.— Проблемы художественной формы. Русский фольклор, вып. 14. Л., 1974, с. 46—60.

[3] См. об этом: Уваров Л. В. Символизация в познании.— Минск, 1971, с. 14.

[4] См., напр.: Астафьева Л. А. Эстетические функции символики в народных лирических песнях.— В кн.: Проблемы фольклора. М., 1975, с. 164; Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы.— Л., 1973, с. 254.

в таком фонетическом облике зафиксировали слово *ярлух* собиратели А. П. Разумова, Т. А. Коски и Е. И. Русакова[5].

Ты застрель, моя каленая стрела,
Черна ворона под тучею,
Ихи!
Черна ворона под тучею,
Сизой ярлух на камешки,
Ихи!
Сизой ярлух на камешки,
Серу утицу на забереги,
Ихи!

Заметим, что нами отмечено это же слово в иных вариантах — ярл и ярлук — в экспедициях 1980 и 1981 гг. в с. Сумпосад и Нюхча Беломорского района[6].

В песне «Со устьица, устьица...» представлена расшифровка названных символов:

Черный ворон был ворог мой,..
Сизой ярлук был недруг мой,..
Сера утица — яства моя,..
Бела лебедь — утеха моя,..
Красна девица — невеста моя.

Любопытно толкование слова *ярлук* исполнительницей А. Г. Трифановой, зафиксированное нами в июле 1981 г.: «Черна ворона под тучею, сизой ярлук на камешки, белой лебедь на заводи... В Нюхчи нет этого ярлука. Сизой ярлук — какой-то дедко вредной, недруг дак. Колежма с каким-то ярлуком. Черной ворон — вроде отец, ярлук — не знаю, кто он такой». Совершенно очевидно, что слово *ярлук* является обозначением чего-то недоброго, но с чем-либо конкретным связь установить невозможно.

Попытаемся сравнить символические предметы в песнях Севера, являющихся вариантами песни «Из-за устья лодейного» — Поморья[7], Мезени[8], Пинежья[9], Печоры[10], Нижегородской

[5] Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче).— Петрозаводск: Карелия, 1980, с. 143.

[6] Песня «Со устьица, устьица лодейного» записана в с. Сумпосад от Анны Григорьевны Трифановой, родившейся и жившей долгое время в с. Колежма.

[7] Русские народные песни Карельского Поморья.— Л., 1971, с. 115—116 (№ 153 — д. Гридино Кемского р-на).

[8] Песенный фольклор Мезени.— Л.: Наука, 1967, с. 206 (№ 154— д. Резя Лешуконского р-на).

[9] Обрядовая поэзия Пинежья. Русский традиционный фольклор в современных записях. Изд-во МГУ, 1980, с. 94 (№ 106— д. Лавела Лавельского с/с).

[10] Песни Печоры.— М.— Л., 1963, с. 326 (№ 301— д. Устье Нарьян-Марского р-на); с. 480 (№ 376— д. Великая Виска Нарьян-Марского р-на).

губ.[11], Вологодской обл.[12]. Все эти песни объединяются одинаковым сюжетом, в котором обязательной является символическая ситуация — преодоление водного пространства на судне; удалой молодец посылает каленую стрелу и наказывает ей убить, застрелить различных птиц; далее идет расшифровка символов, представленных в наименованиях птиц.

Укажем предметную лексику, наиболее важную в описании символической картины, в таблице 1.

Данный материал позволяет увидеть, с одной стороны, сходство и относительную полноту его на разных территориях, от Карельского Поморья до Печоры (некоторая ущербность наблюдается в песнях Нижегородской и Вологодской губерний); с другой стороны, вариантность в наименованиях того или иного предмета: насад, насадик, садик, полусад и т. п. Однако устойчивыми, почти не допускающими вариантности оказываются обозначения символов-птиц в сочетании с эпитетами: черный ворон, сера утица, бела лебедь. Лишь в с. Колежма употребляется своеобразный символ — «сизый ярлук». Он обозначает одну из тех птиц, которую должен убить добрый молодец, иными словами — покорить, стать обладателем невесты, а также ее окружения (ср.: черный ворон — тесть, бела лебедь — теща; сера утица — яства — кушанье). Добрый молодец — жених «вооружен как древнерусский воин: в его руках лук, калены стрелы»[13], которыми он побеждает любимую. Как отмечает Н. П. Колпакова, жених — «это покоритель, «разоритель» и своевольник; это — «князь» с боярами, властный начальник, предводитель дружины, ломающий городовую стену, разбивающий ворота... символически преодолевающий недоступность невесты»[14]. Как птицу, подстреливает добрый молодец «волю» девушки-невесты. «Воля» и «красота» могут принимать в свадебной лирике различные антропоморфные и зооморфные обличья. Это образ-оборотень»,— пишет Н. П. Колпакова[15].

В с. Колежма перед отъездом к венцу, на так называемом «пониманьи», невеста поет:

— Куда я положу вольную-то волю довольную?
Уж пущу по маленькой, по быстрой речке струечия,
Туда ездят чужи ясные удалые соколы,

---

[11] Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные П. В. Шейном, т. 1, вып. 2. СПб, 1900, с. 692—693 (№ 2271 — Макарьевский уезд, Ветлужский край, Нижегородская губ.).

[12] Лирика русской свадьбы.— Л.: Наука, 1973, с. 107—108 (№ 208— д. Мякса Мяксинского р-на Вологодской обл.).

[13] Элиаш Н. М. Русские свадебные песни. Историко-этнографический анализ тематики, образов, поэтики жанра.— Орел, 1966, с. 20.

[14] Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы.— В кн.: Лирика русской свадьбы/Изд. подгот. Колпакова Н. П. Л., 1973, с. 254.

[15] Там же, с. 259.

Таблица 1

Предметы	Слова \ Названия сел	Колежма	Нюхча	Гридино	Ланела	Резя	Устье	Вел. Виска	Ветлуга	Мякса
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Водное пространство (какое)	устье	+	+	+	+	+	+	+		
	— лодейное	+	+				+			
	— березовое			+	+					
	— осиновое					+				
	— рябиновое							+		
	— реченька									+
Судно	червленый носок	+								
	черненый кораб		+							
	садик			+	+	+				
	чернилов сад				+					
	черниловой садок					+				
	черленый насад						+			
	черленый кораб							+		
	насадик	+					+			
	корабль		+							
	садочек			+						
	корабличок							+		
	полусад	+						+		
	насад						+			
	суденышко									+
Группа жениха	гребцы-молодцы	+	+				+	+		
	молодцы			+						
	работнички				+					
	семь человек					+				+
	кормщичёк	+	+				+	+		
	коршичек			+						
	кормовшичек					+				
	наказничек				+					
	водолей						+			
	носовщичек	+				+				
	наносничек		+		+					

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	нанощичек							+		
	весельщичек			+						
	кашевар									+
	пивовар									+
Кого (что) должна убить (разрушить) стрела	калена стрела	+	+	+	+	+	+	+		+
	кленова стрела								+	
	черный ворон	+	+	+			+			
	сизой ярлук	+								
	сера утица	+	+	+	+		+		+	+
	уточки							+		
	бела лебедь	+	+	+			+			
	лебедушки							+		
	красна девица	+	+	+					+	
	красна девка				+					
	красная девушка							+		
	раскрасавица									+
	селезеюшка			+						
	орлик								+	
	сиз голубь								+	
	серый волк					+				
	гора						+			
	вода						+			
	высок терем						+			
Расшифровка символа	ворог (ворон)	+			+					
	тесть (ворон)		+					+		
	недруг (ярлук)	+								
	яства (утица)	+			+					
	кушанье (утица)			+				+		
	кушанье (лебедь)				+					
	теща (лебедь)			+				+		
	невеста	+		+	+			+		+
	веста (утица)									+
	забава				+					
	богосужена						+			
	молода вдова							+		

Ловят свежую рыбу трепущатую,
Уж поймают мою вольную волю довольную,
Уж не спущу, да оверну серой маленькой утушкой,
Пущу во темные во лесы во дремучие.
Там ходят чужеясные удалые соколы,
Так уж подстрелят мою вольную волю довольную...[16]

Итак, «воля» может перевоплощаться, выступать в разном облике, невеста может посылать свою волю «в недосягаемые для похитителей места», понятие девичьей воли представляется в образе «какой-то волшебной птицы — неуловимой, невозвратимой»[17], за которой охотится добрый молодец (чаще «сера утица»). Наряду с этим «калена стрела» поражает и черна ворона, и белую лебедь, и сизого ярлука (сиза ярла). Все эти образы-символы связываются с теми, кто должен быть побежден, т. е. все они составляют сторону невесты.

В одной из песен Ирины Андреевны Федосовой «князь молодой» пошел к островам Соловецким:

изловить хотел лебедь белую...
Как пустил в нее он тятевкой,
Пустил пух ее по поднебесью,
Ранил в сердце свою Лебедь белую...
При доми теперь княгиня молода,
У вас во высоком терему[18].

В песнях Терского берега Белого моря «сокол молодой» выступает в цепи других символов:

Он на горы ясна сокола убил;
Под горою куницу задавил,
Он на заводи утушку,
Да на песочки лебедушку,
В терему-ту красну девицу-душу,
Да ище Анну Ивановну хорошу[19].

Несмотря на общность поэтических образов, представленных в наименованиях птиц и зверей[20], песня села Колежмы выделяется наличием совершенно своеобразного наименования *ярл, ярлук*.

---

[16] Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче), с. 66.

[17] Колпакова Н. П. Указ. соч., с. 259.

[18] Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями, ч. II. Описание всех обрядов свадебного дня. 1887, с. 44—45.

[19] Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря.— Л., 1969, с. 132.

[20] «Черный выдрушек» представлен в «Винограде», зафиксированном Г. И. Куликовским. См.: Куликовский Г. И. Беседные складчины и ссыпчины Обонежья.— Олонецкий сборник, вып. III. Петрозаводск, 1894, с. 408.

Цель жениха — убить злое начало в невесте, стать обладателем доброго начала. «Воля» невесты — это зло для жениха, он должен его уничтожить. Переход невесты из одного мира в другой — это смерть; здесь находим отражение «представления» об опасности невесты для жениха, представления о связи женщины с «демоническими силами»[21].

В тексте анализируемой песни с. Колежмы жених посылает стрелу во всех птиц, в т. ч. и в ярлука. Что за «птица» *ярлук*, ответить чрезвычайно трудно, ни в одном из словарей русского языка, в т. ч. и диалектных, в известных крупных картотеках областных словарей Северо-Запада — СРНГ в ЛО ИЯ, СРГК в ЛГУ, ПОС в ЛГУ, АОС в МГУ, НОС в Новгородском пединституте — не зафиксировано.

Поиски происхождения слова *ярлук* (и *ярл*) заставляют нас обратиться к истории отношений Карелии с соседними скандинавскими странами. Слово *ярл* в древней Скандинавии обозначало знатного человека, главу области или ряда областей, герцога. Источником слова *ярл* в русском языке является древнескандинавское earl, позднее iarl[22]. Любопытно, что в древней Швеции, где титул *ярл* держался дольше, в XII—XIII вв. он «давался главнокомандующему на море, занимавшему по положению второе место после короля»[23].

Отношения Карелии и ее населения со Швецией и другими странами Скандинавии на протяжении многих столетий были враждебными. Как утверждают историки, «в XI—XII вв. на Скандинавском полуострове установились феодальные порядки, и с середины XII в. возобновились походы на восток. Но теперь это были уже не случайные набеги дружинников, искавших добычу, а агрессия феодалов, стремившихся завладеть новыми землями и превратить местное население в своих крепостных.

С конца XII в. в грабительские походы на восток включились северогерманские и датские феодалы»[24].

Н. П. Загоскин пишет о том, что новгородцы, первыми колонизовавшие русский Север, включая и берега Белого моря, «были уже издавна хорошо знакомы с плаванием не только по морю Варяжскому (Балтийскому), но и по морям Мурманскому и Студеному, как назвали наши предки Белое море и Северный Ледовитый океан. Здесь внимание их прежде всего при-

---

[21] Левинтон Г. А. Некоторые вопросы изучения свадебного обряда.— Тартуский гос. ун-т. Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам 17—24 авг. 1970. Тарту, 1970, с. 28.

[22] Словарь современного русского литературного языка.— М.— Л., 1965, т. 17, с. 2090— далее БАС.

[23] БСЭ. 2-е изд., т. 49, с. 642.

[24] Очерки истории Карелии, т. 1. Карельский филиал АН СССР. ИЯЛИ. Петрозаводск, 1957, с. 66.

влекли к себе берега Лапландии и Норвегии»[25]. Как утверждает исследователь, на этих берегах соприкасались интересы русских промышленников и норвежцев, «нередко переходя, на почве промысловой конкуренции, в открытые враждебные столкновения»[26].

Не останавливаясь подробно на исторических событиях, свидетельствующих о необходимости населения Карелии защищаться от шведов и других западных соседей, обратим внимание на интересующую нас ограниченную территорию, где записана песня «Со устьица...». Из ближайших населенных пунктов Сумский Посад (а следовательно, и другие пункты) не раз подвергался нападениям врагов. Давая историческую справку, С. В. Максимов пишет о том, что «шведы, литовцы и русские изменники нападали на Суму. Шведы по зимам делали частые набеги, значительно усилившиеся на исходе XVI столетия».[27]

Среди возглавлявших набеги шведов были ярл Биргер, Гаук Ястреб, Эйрик Кровавая Секира, особенно прославившийся своей жестокостью. Название титула *ярл* вряд ли могло не запомниться местному населению. «Нападения скандинавов должны были вызвать отпор со стороны карелов, и, во всяком случае, ставили их во враждебное отношение к норвежцам и шведам»[28]. Произведения карельского эпоса отразили чувство тревоги, постоянной опасности, вызванной набегами шведов и норвежцев. Об этом ярко говорят некоторые руны «Калевалы»[29]. В. Евсеев предполагает возможным считать, что «значительная часть карело-финских рун о пастухе-воине, сыне Калевы, связана с событиями XIII—XIV вв., когда карельскому и русскому народу приходилось бороться против шведской интервенции»[30]. Соперничество со шведами представлено в руне 7 сб. «Сампо», рассказывающей о желании шведов посвататься к дочери старика Хиизи. Дева, узнавшая о том, что шведы едут к ней, превратилась в золотистую кукушку, пожаловалась Илмойллине, и тот отправился в женихи к дочери Хиизи[31].

Слово *ярлук* в символическом сочетании *сизый ярлук* косвенно могло выражать понятие зла, которое сеяли шведы

---

[25] Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России.— Казань, 1910, с. 160.

[26] Там же, с. 160—161.

[27] Максимов С. В. Год на Севере. 4-е изд. (ч. 1. Белое море и его прибрежья).— М., 1890, с. 331.

[28] Гадзяцкий С. Карелы и Карелия в Новгородское время. — Петрозаводск, 1941, с. 52.

[29] Калевала/Перевел Л. Бельский.— Петрозаводск: Карелия, 1978 (руна 18, с. 279 и др.).

[30] Сампо. Сборник карело-финских рун/Статья и комментарий В. Евсеева.— Петрозаводск, 1940, с. VI.

[31] Там же, с. 110—113.

и норвежцы-насильники на чужой земле. Думается, что русским, населяющим Карелию, как и местному населению, могла быть также известна «История Хиалмара, царя Биармландии и Фулемаркии»[32], где, в частности, есть строки, рассказывающие о браке царской дочери с Храмром, получившим от царя в приданое титул и права ярла, об отъезде его с молодой супругой из Биармландии на двух кораблях («ярл увозил вместе с собою в Фулемаркию свою милую супругу»[33]). События мирной жизни перемежались с жестокими боями. Автор, явившийся переводчиком скандинавских рун о Хиалмаре, С. К. Кузнецов, считает, что Биармия-Биармландия находилась на Мурманском берегу[34], т. е. рядом с Белым морем, а следовательно, слово *ярл* вполне могло быть знакомо соседям — карелам, саамам, русским.

Трудно с полной уверенностью говорить об образовании слова *ярлук* «символическая птица, представляющая сторону невесты», от *ярл* «знатный человек», «главнокомандующий на море», но исторические события, вызвавшие ненависть местного населения к скандинавам, бесконечно нападавшим на него, не могли не сыграть свою роль в том плане, что за словом *ярл* закрепилось понятие чего-то недоброго. Иначе говоря, можно предположить перенос значения с конкретного понятия — *ярл* «знатный граф», «злой, могучий человек» на абстрактное — «что-либо злое, что необходимо уничтожить».

В русских песнях исторического содержания также находим отражение русско-шведских отношений, в частности шведский король выступает в образе черного ворона:

«Вечор-то мне, матушка, малым-мало спалося,
Что малым-мало спалося, много виделося:
Как привиделась мне, матушка, крута гора во сне,
Что на крутой на горе бел-горюч камень лежит;
А на камне вырастал част-ракитовый куст;
Как на кустике сидит птица млад-сизой орел,
Во когтях своих он держит черна ворона.
Что возговорит родная ее матушка:
Что дитя мое, дитя милое!
Я тебе, дитя, сон этот расскажу:
Что крута гора — то каменна Москва;
Бел-горюч камень — то наш Кремль-город;
А ракитов куст — то Кремлевский дворец;
Сизой орел — то батюшка, православный царь;
А черной ворон — то Шведский король.

---

[32] Кузнецов С. К. К вопросу о Биармии.— Этнографическое обозрение, 1905, № 2 и 3. Год 17-й, кн. LXV—LXVI. М., 1906, с. 33—42.
[33] Там же, с. 38.
[34] Там же, с. 95.

Победит наш государь землю Шведскую
И самого короля во полон возьмет»[35].

Как черный ворон символизирует шведского короля, вообще зло, которое надо победить, так, возможно, и сизый ярл, сизый ярлук может обозначать что-то отрицательное, что требуется уничтожить, чтоб получить себе желаемое, противоположное по сути своей (уничтожить злое — приобрести доброе).

В современных скандинавских языках имеется историзм: в шведском jarl — ист. «высший сановник при короле, ярл»[36]; в норвежском — jarl —1) ист. «ярл (феодальный князь в древней Скандинавии)» 2) «граф»[37] jarl — «князь (древний норвежский титул)»[38], в датском — jarl —1) ист. «ярл, удельный князь», 2) «граф»[39]. Древнесканд. earl, позже iarl — в Скандинавии в раннее средневековье означало «знатный человек» и соответствовало англо-саксонским эрлам[40]. Англ. earl от древнеангл. eorl — «человек»— «в Англии раннего средневековья родовая знать, занимавшая привилегированное положение в обществе»[41].

Исследование лексического состава севернорусских говоров свидетельствует о длительном и интенсивном влиянии скандинавов. «Заимствования из скандинавских языков, особенно на территориях, прилегающих к Белому морю и Ледовитому океану, шли в говоры непрерывным потоком по XX в. включительно»,— пишет В. Ф. Житников[42].

Итак, слово *ярл* (и *ярлук*) имеет, возможно, свои истоки в древнескандинавском языке. Это предположение еще раз подтверждает мысль о том, что «западная поморская традиция содержит уникальные для общерусского фольклора явления, истоки которых следует искать не только в славянском и финно-угорском, но шире — во всем североевропейском мире»[43].

---

[35] Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8.— М., 1870, с. 114—115.

[36] Шведско-русский словарь/Сост. Д. Э. Миланова. 2-е изд.— М., 1959, с. 459.

[37] Норвежско-русский словарь/Сост. проф. В. Д. Аракин.— М., 1963, с. 402.

[38] Норвежско-русский словарь/Сост. Р. Яньков.— Осло, 1959, с. 59.

[39] Крымова Н. И., Эмзина А. Я., Новакович А. С. Датско-русский словарь. 3-е изд. — М., 1975, с. 312.

[40] БСЭ. 2-е изд., т. 49, с. 642.

[41] Там же, с. 641.

[42] Житников В. Ф. О некоторых германизмах в лексике севернорусских говоров.— В кн.: Язык и общество. Межвуз. научн. сборник, вып. 3. Изд-во Сарат. ун-та, 1974, с. 169—177.

[43] Бернштам Т. А. Соотношение общерусских и локальных традиций в фольклоре поморов.— Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1981, с. 54—55.